

Почему интересно изучать языки Москвы?¹
Why is it interesting to explore the languages of Moscow?

Кибрик А. А.

Kibrik A. A.

Лингвисты нечасто обращают внимание на языковое разнообразие городов, то есть той среды, в которой протекает большинство лингвистических исследований. Между тем, города в последние десятилетия стали средоточием населения и языков. Нет легкодоступных ответов даже на самые простые вопросы, такие как вопрос о том, сколько языков распространено в том или ином городе. Современные города, в особенности мегаполисы, можно рассматривать как языковые ареалы особого типа. Постепенно формируется такое направление науки, как городская лингвистика. Москва как единственный мегаполис России требует исследовательского внимания.

Ключевые слова: городская лингвистика, мегаполис, языковой ареал, языковое разнообразие

Linguists only infrequently pay attention to urban linguistic diversity, that is, to the actual environment in which most linguistic research is conducted. However, in recent decades cities have become the main hub of population and languages. There are no readily accessible answers even to the simplest questions, such as how many languages are spoken in a certain city. Modern cities, particularly megacities, can be viewed as a special kind of linguistic area. The new research field of urban linguistics is gradually being formed. Moscow, as the only megacity in Russia, calls for special attention by researchers.

Key words: urban linguistics, metropolis, language area, linguistic diversity

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ №16-04-00474 «Языки Москвы» (2016–2018).

*Посвящается памяти Антонины Ивановны Коваль,
досконально исследовавшей африканский язык
пулар-фульфульде в ходе работы с носителями,
временно проживавшими в Москве.*

1. Введение

Традиционно приоритетным интересом лингвистов пользуются крупные письменные языки, которые являются родными (и в этом смысле более доступными) для большинства самих лингвистов. Многие направления теоретической лингвистики базировались (да и сейчас базируются) лишь на данных нескольких языков (латинский, немецкий, французский, английский, русский), и полученные результаты имплицитно экстраполировались на Язык вообще. Иными словами, лингвистика такого типа строится так, как если бы языкового разнообразия почти не существовало.

В последние десятилетия, однако, сформировалось общее понимание, что для полного представления о Языке необходимо учитывать не только эти наиболее доступные языки, но также и «экзотические» языки, на которых говорят относительно небольшие группы людей, живущие в местах, удаленных от мест жизнедеятельности большинства лингвистов (то есть городов, институтов, университетов). В настоящее время прилагаются большие усилия для того, чтобы включить данные этих языков в общий оборот лингвистического знания. Ради этой цели возникла такая область, как полевая лингвистика, см., напр., [Кибрик А. Е. 1972; Chelliah, de Reuse 2011]. Лингвисты вынуждены задействовать существенные финансовые и организационные ресурсы, чтобы попасть туда, где можно найти носителей экзотического языка и зафиксировать речь на этом языке.

Между этими двумя полюсами (родной язык лингвиста и экзотические языки где-то вдали) странным образом оказалось то, что находится буквально под боком, но часто

не замечается. А именно, языковое разнообразие больших городов.

Каждый большой современный город — это Вавилон. Особенно это касается столичных городов в странах, имеющих традицию имперского развития и централизации. Один из классических примеров городов именно этого типа — город Москва.

Существует большое и динамичное сообщество московских лингвистов, занимающихся самым широким спектром языков. Но языковым разнообразием Москвы до сих пор занимались очень мало. Эта ситуация немного напоминает феномен, который психологи иногда называют агнозией (игнорирование той или иной легко доступной информации). Есть целый ряд самых простых вопросов, на которые, однако, даже близко нет готовых ответов, в том числе:

- сколько языками и какими именно пользуются в Москве?
- каков список пяти (десяти, двадцати) самых распространенных в Москве языков?
- сколько носителей имеется в Москве хотя бы у самых крупных языков?
- в каких функциональных средах используются эти языки?
- в какой мере в Москве представлено дву- и многоязычие?

Можно предположить, что эта информация легко и полно извлекается из данных переписи населения. К сожалению, это не совсем так, см. [Коряков 2017]. Видимо, пришло время заполнить пробелы в наших представлениях о языковом разнообразии той среды, в которой мы сами живем.

2. Языковое разнообразие и город

Изучение языкового разнообразия — одна из центральных задач лингвистики. Языковое разнообразие Земли имеет несколько аспектов, в том числе географический, исторический,

структурный, социальный. Эти аспекты исследуются конкретными лингвистическими дисциплинами — соответственно, ареальной лингвистикой, историческим языкознанием, типологией, социолингвистикой. Однако полное представление о языковом разнообразии можно получить, только рассматривая все аспекты вместе. В последнее время формируется интегральная лингвистическая дисциплина, исследующая языковое разнообразие в комплексе [Nichols 1992; Кибрик 2002].

Языковое разнообразие распределено по разным территориям очень неравномерно. Как известно, языковая плотность, т. е. количество языков на единицу площади [Austerlitz 1980, Nichols 1992], может различаться в разных ареалах на порядки. Некоторые ареалы типологически гомогенны, другие очень пестры. В некоторых местах (например, в Юго-Восточной Азии) малым оказывается язык, на котором говорит несколько миллионов человек. А в Северной Америке или Австралии несколько тысяч говорящих — это уже очень много.

Особый параметр, по которому языковое разнообразие распределяется по-разному, — это тип заселения территории. В различных лингвистических дисциплинах иногда молчаливо предполагается, что нормальный и чуть ли не универсальный тип заселения — это традиционный сельский тип, при котором отдельным языкам можно приписать отдельные территории, пусть иногда и накладывающиеся друг на друга. Однако очевиден и другой тип, возникший около 10 тыс. лет тому назад. Это город, т. е. территория ограниченной площади с высокой концентрацией населения, занимающегося не сельским хозяйством. Крупные города являются местом притяжения миграционных потоков и, соответственно, оказываются местом сосредоточения языкового разнообразия на небольшой площади. В особенно высокой степени языковое разнообразие характерно для современных многомиллионных мегаполисов, см. раздел 4 ниже.

Еще пару десятилетий назад можно было с натяжкой считать, что сельский тип заселения продолжает оставаться

преобладающим, а города представляют собой некий особый случай. Однако согласно справочному изданию *The World's Cities in 2016*, 54,5 % населения Земли проживает в городах. Считается, что перелом произошел в 2007 г. — именно тогда в городах сконцентрировалось более половины населения Земли. Как всегда, научное понимание действительности отстает от самой действительности, и пока в науке в целом еще не осознано, что теперь городской способ существования языков является нормой, дефолтом. В сущности, адекватное представление о языковом разнообразии невозможно без учета языковых явлений и процессов, характерных для современных городов и мегаполисов. Исследование языковых процессов в городах в перспективе должно стать центральной частью лингвистических и социолингвистических исследований.

Крупный полиэтничный город, такой как Москва, может рассматриваться как *языковой ареал*. Обычно данное понятие подразумевает сумму этнических территорий географически смежных и контактирующих языков. Однако город — это языковой ареал иного типа. Такой ареал имеет более четкие внешние границы, чем «традиционные» ареалы (такие, как балканский ареал или южноазиатский ареал). С другой стороны, в городе-ареале границы между языками оказываются менее четкими, приписать конкретную территорию тому или иному этносу или языку часто оказывается затруднительно или невозможно. Таким образом, включение городов в число языковых ареалов существенно меняет представления ареальной лингвистики.

3. Городская лингвистика

За последние десятилетия накопилось большое число разрозненных исследований, так или иначе обращенных на языковые процессы городов, причем не обязательно именно на языковое разнообразие. Вероятно, в первую очередь следует упомянуть классическую книгу В. Лабова [*Labov 1972*],

оказавшую влияние на целый ряд областей — социолингвистику, диалектологию, фонетику, теорию дискурса. В этой книге автор исследовал рассказы чернокожего населения Нью-Йорка и привлек внимание к языковым особенностям именно городской среды. В исследованиях специалиста по социолингвистической типологии П. Традгилла [Trudgill 2011] показано, как в ганзейских городах происходило формирование скандинавских языков, оказавшихся сложным продуктом соединения собственно скандинавского и нижненемецкого элементов. В работах Е. Р. Сквайрс [Сквайрс, Фердинанд 2002] было исследовано и описано взаимодействие русского и нижненемецкого языков в древнем Новгороде. В трудах А. И. Коваль, напр. [Коваль 2006], показано, как модифицировался в условиях полиэтнического города (г. Мопти, Мали) язык фульфульде, в основном распространенный в сельской местности. В серии работ В. И. Беликова, напр. [Беликов 2010], рассматривается особый тип регионального варьирования современного русского языка — по городам, а не по сельским диалектам.

В целом можно утверждать, что языковые процессы в городах и городских агломерациях во многом отличаются от местностей других типов. Это утверждение пока далеко не стало общим местом, но можно заметить, что постепенно формируется особое направление науки — городская лингвистика, или «урболингвистика» (urban linguistics), исследующее языковые явления, в том числе языковое разнообразие, собственно городских поселений. Это направление эксплицитно обозначено в таких статьях, как [Adeniyi, Bello 2007; Extra, Yağmur 2010; Ривлина 2014]. Объявлен проект исследования языкового разнообразия Будапешта, см. <https://www.ceu.edu/project/budapest-languages-project-urban-linguistics-and-solidarity>. На сегодняшний день наиболее фундаментальное исследование в области городской лингвистики — серия книг, подготовленных в Гамбургском университете, см. особенно [Siemund et al. 2013; Duarte, Gogolin 2013].

Представляется, что городская лингвистика как направление, пересекающее традиционные разделы лингвистики, имеет большие перспективы.

4. Мегалополисы

Особая разновидность города — так называемый мегалополис (*megacity, metropolis*). Согласно подходу, принятому в ООН [The World's Cities in 2016], мегалополисом считается город, насчитывающий не менее 10 миллионов человек. По этому критерию Москва оказывается единственным мегалополисом России. По данным указанного справочного издания, в 2016 году в мире существовал 31 мегалополис, включая 18 в Азии (Китай — 6, Индия — 5, Япония — 2, по одному в Багладеш, Пакистане, Турции, Филиппинах и Индонезии), 7 в Америке (США — 2, Бразилия — 2, по одному в Мексике, Аргентине, Перу), три в Африке (Египет, Нигерия, ДР Конго), два в западной Европе (Франция, Великобритания). Конечно, число мегалополисов можно расширить, например включив в их число и городские агломерации с населением более 10 миллионов человек или снизив пороговое значение до 5 миллионов. Но в любом случае мегалополисы не только количественно, но и качественно отличаются от «просто городов» и представляют собой особое социальное, демографическое и языковое явление.

Определение того, как провести границы того или иного мегалополиса, оказывается непростым вопросом. В английской Википедии в статье *List of largest cities* (по состоянию на 23 июня 2017) приводятся списки трех типов: *City proper* (город в административном смысле слова), *Metropolitan area* (большой город с пригородами) и *Urban area* (агломерация, сплошное пространство городского типа, отличающееся от сельской местности и от природных зон). Согласно указанной статье, лидерами этих трех списков соответственно являются: Карачи (Пакистан) — 27,5 млн человек; Чунцин (Китай) — 52,1 млн человек;

Токио (Япония) — 36,9 млн человек.² Москва занимает в этих же трех списках одиннадцатое, семнадцатое и восемнадцатое места, соответственно.

Языковое разнообразие мегаполисов представляет собой специальный и интересный объект лингвистического исследования. В сущности, современный мегаполис с его многоязычием является уменьшенной моделью всего мира. В мегаполисе можно найти носителей сотен языков. Языковая ситуация мегаполиса — это сложная сеть языков, многоязычия, языковых контактов. Все это повседневная реальность, но по большей части ускользающая от нашего внимания. Такое ускользание обязано традиционной установке на одноязычие, характерной для образовательной системы, общественного сознания и даже профессиональных лингвистов. На языковой карте Москву можно закрасить тем же цветом, что и всю русскоговорящую часть восточной Европы. В первом приближении это верно, но только лишь в первом.

Реальных исследований языкового разнообразия мегаполисов пока не так много. В первую очередь можно назвать довольно давнюю уже монографию [Baker, Eversley 2000], посвященную Лондону (но только языковой ситуации у школьников). Около 15 лет назад была предпринята попытка исследования языкового разнообразия Лос-Анжелеса, которая, видимо, не привела к публикациям; однако см. [Parodi 2014].

² Как справедливо отметил анонимный рецензент, надежность Википедии невысока, и цифры могут опираться на недостаточно надежные источники. Так, 24 августа 2017 г. список крупнейших городов в административном смысле возглавлял уже Шанхай, а Карачи переместился на второе место. Далее, 19 сентября Карачи спустился еще ниже — на четвертое место. Разумеется, это вызвано не какими-то реальными изменениями, а характером используемых источников. Таким образом, приведенные данные следует воспринимать как иллюстрацию, а не как истину в последней инстанции.

5. Проект «Языки Москвы»

Первые шаги в направлении исследования языков Москвы автор настоящей статьи пытался делать с середины 2000-х годов, предлагая студентам Отделения теоретической и прикладной лингвистики филфака МГУ темы курсовых в этой области. Был написан целый ряд курсовых работ, посвященных обзорам лингвистических исследований других мегаполисов, выявлению спектра языков Москвы по открытым источникам, изучению диаспор в сфере торговли, этношколам, русскому языку таджикских мигрантов. Вслед за этими первыми шагами возникла идея более системного проекта, каковой и был начат в 2016 г. в Отделе типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН под руководством Ю. В. Мазуровой.

Прежде чем исследовать языковое разнообразие Москвы, естественно принять решение о том, какие языки мы хотели бы признать языками Москвы. Ясно, что к ним относятся языки людей, постоянно проживающих в Москве. Вероятно, также языки трудовых мигрантов, которые находятся в Москве на временной основе. Следует ли включать сюда языки туристов, приезжающих на короткий срок? Иностранные языки, изучаемые в школе или в вузах? Возможно, наиболее разумным будет подход, при котором «языки Москвы» будут рассматриваться как радиальная категория [Lakoff 1987], в которой есть наиболее центральные и более периферийные представители. Априори исключать языки туристов и изучаемые языки было бы произвольным решением, ведь эти языки ежедневно звучат на территории Москвы. Но, конечно, в центре внимания должны быть языки, используемые постоянным населением, а также языки мигрантов, пребывающих в Москве относительно долгое время.

Еще один вопрос такого типа — что, собственно, считать Москвой. Это только «старая Москва», главным образом в пределах МКАД? Или сюда входит и большая территория

«новой Москвы», лишь недавно административно включенная в состав города? Или также и города-спутники, непосредственно прилегающие к Москве? А может быть, все ближнее Подмоскovie или даже вся Московская область? Опять же жесткий дискретный подход (это — Москва, а это уже не Москва) был бы неуместен. Москва — это тоже радиальная категория, и для определенных исследовательских задач имеет смысл включать в рассмотрение и городские территории, которые находятся за пределами города Москвы как административной единицы.

В рамках проекта мы стремимся получить знания по вопросам, обозначенным в первом разделе данной статьи — о составе языков Москвы, о численности носителей, о функциональной дистрибуции языков и многоязычии. Рассматривается и большой спектр более частных вопросов. Представление об этом спектре можно получить по статьям, содержащимся в настоящем выпуске. Упомяну одну проблему, которая не получила отражения в выпуске.

Эта проблема — письменное предоставление сведений об объектах городской структуры (станциях метро, улицах, памятниках и т. д.) для иностранных посетителей, не владеющих кириллицей. В таких случаях используется некоторая комбинация двух приемов: во-первых, транслитерации кириллических названий на латиницу, во-вторых, перевода некоторых ключевых слов на английский язык. Этой проблеме был посвящен доклад [Кибрик и др. 2015], подготовленный в качестве реакции на обращение Департамента транспорта Москвы, а также курсовые работы [Беспалова 2016, 2017]. Подробное рассмотрение этой темы выходит за пределы настоящей статьи. Кратко можно сказать, что применяемая сейчас в Москве латинизация является хаотичной и непоследовательной. Соотношение перевода и транслитерации пока не разработаны, а транслитерация является несистемной и содержит элементы практической транскрипции. Последнее связано с более общим обстоятельством — отсутствием единой

и санкционированной государством системы транслитерации кириллицы на латиницу. Существует стандарт под названием «ГОСТ 7.79–2000», но он используется далеко не всеми официальными структурами. Несомненно, этот вопрос ждет своего решения в общероссийском масштабе.

6. Заключение

Человеческие языки различаются по бесчисленному количеству параметров: есть языки крупные и малые, письменные и бесписьменные, входящие в большие семьи и изолированные, морфологически простые и сложные... По мере развития эмпирической базы лингвистики постепенно нарастает сумма знаний о том, как эти языки распространены на территории планеты. Лингвистические дисциплины, исследующие языковое разнообразие, часто молчаливо предполагают, что все языки функционируют в одинаковых условиях и используются однотипными популяциями. Однако сопоставление традиционного сельского и городского типа заселения показывает, что это слишком сильное упрощение. В городах, и в особенности в мегаполисах, образуется сложная сеть языков, языковых контактов и многоязычия, и все это требует изучения.

В начале этой статьи было отмечено, что лингвисты часто устремляются в далекие и сложные полевые поездки, чтобы добраться до носителей редких языков. Работа с носителями языков, проживающими в Москве, не сопряжена с такими поездками, но тем не менее напоминает полевую. Как сформулировала А. И. Коваль, «поскольку главным источником добывания информации для африканиста был прямой контакт с “натуральными” носителями языка, пусть даже временно и оторванными от их естественной среды, — можно признать, что *методически* собирательская и исследовательская деятельность африканиста родственна, если не сказать тождественна, “классической” полевой работе лингвиста» [Коваль 2007: 72]. В настоящее время и африканисты, и специалисты по многим

другим языкам обладают гораздо большими возможностями перемещения, чем это было в 1970–80-е гг., о которых идет речь в приведенной цитате. Тем не менее, многочисленные языки, находящиеся и функционирующие непосредственно рядом с нами в нашем городе, ждут нашего исследовательского внимания.

Литература

Беликов В. И. Лексическая специфика города и региональная идентичность: к постановке проблемы // *А. А. Кретов* (ред.) Проблемы компьютерной лингвистики: Сборник научных трудов. Вып. 4. Воронеж, 2010. С. 20–32.

Беспалова А. Исследование языкового ландшафта города Москвы: английский язык и латиница. Курсовая работа. Отделение фундаментальной и прикладной лингвистики, Филологический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016.

Беспалова А. Латинская транслитерация и английский перевод в городской навигации (на материале метрополитена Москвы). Курсовая работа. Отделение фундаментальной и прикладной лингвистики, Филологический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017.

Кибрик А. А. Языки мира и языковые ареалы: проспект учебника // *В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева* (сост.) Языки мира. Типология. Уралистика. (Памяти Т. Ждановой). Москва, 2002. С. 252–275.

Кибрик А. А., Коряков Ю. Б., Плунгян В. А., Федорова О. В. RUSSKY YAZYK LATINICEJ – na primere dorozhno-uličnoy seti Moskvi. Доклад на конференции «Диалог», 28 мая 2015.

Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). Москва, 1972.

Коваль А. И. Конфликт узуса и канона: к вопросу об общей литературной норме у малайских фульбе // *В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк* (ред.) Языковая норма и эстетический канон. Москва, 2006. С. 287–311.

Коваль А. И. Из заметок африканиста: элементы мета-языкового сознания носителей в контексте полевой работы // *М. Е. Алексеев* (ред.) Полевая лингвистика. Москва–Махачкала, 2007. С. 72–81.

Коряков Ю. Б. Языки Москвы по данным переписи 2010 года // *Родной язык*. 2017, № 2(7). С. 24–44.

Рувлина А. А. Взаимодействие английского и русского языков в лингвистическом пейзаже современного российского города // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2014, № 2 (42). С. 110–115.

Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. Москва, 2002.

Adeniyi H., Bello R. Urban linguistics in Nigeria: A Case of Language Use in Lagos Metropolis // *Iranian Journal of Language Studies*. 2007, № 1.2. P. 119–132.

Austerlitz R. Language-family density in North America and Eurasia // *Ural-Altische Jahrbuecher*. 1980, № 52. P. 1–10.

Baker P., Eversley J. (eds.) Multilingual capital: The languages of London's schoolchildren and their relevance to economic, social and educational policies. London, 2000.

Chelliah S. L., de Reuse W. J. Handbook of Descriptive Linguistic Fieldwork. Dordrecht, 2011.

Duarte J., Gogolin I. (eds.) Linguistic Superdiversity in Urban Areas: Research approaches. Amsterdam, 2013.

Extra G., Yağmur K. Urban multilingualism in Europe: Mapping linguistic diversity in multicultural cities // *Journal of Pragmatics*. 2010, № 43. P. 1173–1184.

Labov W. Language in the inner city: Studies in the Black English vernacular. Philadelphia, 1972.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.

Nichols J. Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.

Parodi C. Latinos and Other Minorities in Los Angeles: Their Languages // *Voices*. 2014, № 2.1. P. 33–43.

Siemund P., Gogolin I., Schulz M.E., Davydova J. (eds.) Multilingualism and Language Diversity in Urban Areas. Acquisition, identities, space, education. Amsterdam, 2013.

Trudgill P. Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity. Oxford, 2011.

The World's cities in 2016. Data booklet. United Nations, 2016. [http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/urbanization/the_worlds_cities_in_2016_data_booklet.pdf].

References

Adeniyi H., Bello R. Urban linguistics in Nigeria: A Case of Language Use in Lagos Metropolis // Iranian Journal of Language Studies. 2007, № 1.2. P. 119–132.

Austerlitz R. Language-family density in North America and Eurasia // Ural-Altäische Jahrbuecher. 1980, № 52. P. 1–10.

Baker P., Eversley J. (eds.) Multilingual capital: The languages of London's schoolchildren and their relevance to economic, social and educational policies. London, 2000.

Belikov V. I. Leksicheskaya spetsifika goroda i regional'naya identichnost': k postanovke problemy // *A. A. Kretov* (red.) Problemy komp'yuternoy lingvistiki: Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 4. Voronezh, 2010. P. 20–32. (In Russ.)

Bespalova A. Issledovanie yazykovogo landshafta goroda Moskvy: angliiskiy yazyk i latinitsa. Kursovaya rabota. Otdelenie fundamental'noi i prikladnoi lingvistiki, Filologicheskii fakul'tet, MGU imeni M. V. Lomonosova, 2016. (In Russ.)

Bespalova A. Latinskaya transliteratsiya i angliiskiy perevod v gorodskoy navigatsii (na materiale metropolitena Moskvy). Kursovaya rabota. Otdelenie fundamental'noi i prikladnoi lingvistiki, Filologicheskii fakul'tet, MGU imeni M. V. Lomonosova, 2017. (In Russ.)

Chelliah S. L., de Reuse W. J. Handbook of Descriptive Linguistic Fieldwork. Dordrecht, 2011.

Duarte J., Gogolin I. (eds.) Linguistic Superdiversity in Urban Areas: Research approaches. Amsterdam, 2013.

Extra G., Yağmur K. Urban multilingualism in Europe: Mapping linguistic diversity in multicultural cities // *Journal of Pragmatics*. 2010, № 43. P. 1173–1184.

Kibrik A. A. Yazyki mira i yazykovye arealy: prospekt uchebnika // *V. A. Plungyan, A. Yu. Urmanchieva* (eds.) *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika*. (Pamyati T. Zhdanovoi). Moskva, 2002. P. 252–275. (In Russ.)

Kibrik A. A., Koryakov Yu. B., Plungyan V. A., Fedorova O. V. RUSSKY YAZYK LATINICEJ – na primere dorozhno-uličnoy seti Moskvi. Doklad na konferentsii «Dialog», 28 maya 2015. (In Russ.)

Kibrik A. E. Metodika polevykh issledovaniy (k postanovke problemy). Moskva, 1972. (In Russ.)

Koval' A. I. Iz zametok afrikanista: elementy metayazykovogo soznaniya nositelei v kontekste polevoi raboty // *M. E. Alekseev* (red.) *Polevaya lingvistika*. Moskva–Makhachkala, 2007. P. 72–81. (In Russ.)

Koval' A. I. Konflikt uzusa i kanona: k voprosu ob obshechi literaturnoi norme u maliiskikh ful'be // *V. Ya. Porkhomovskii, N. N. Semenyuk* (eds.) *Yazykovaya norma i esteticheskii kanon*. Moskva, 2006. P. 287–311. (In Russ.)

Koryakov Yu. B. Yazyki Moskvy po dannym perepisi 2010 goda // *Rodnoy yazyk*, 2017. № 2(7). P. 24–44. (In Russ.)

Labov W. Language in the inner city: Studies in the Black English vernacular. Philadelphia, 1972.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.

Nichols J. Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.

Parodi C. Latinos and Other Minorities in Los Angeles: Their Languages // *Voices*. 2014, № 2.1. P. 33–43.

Rivlina A. A. Vzaimodeistvie angliiskogo i russkogo yazykov v lingvisticheskom peizazhe sovremennogo rossiiskogo goroda // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2014, № 2 (42). P. 110–115. (In Russ.)

Siemund P., Gogolin I., Schulz M.E., Davydova J. (eds.) Multilingualism and Language Diversity in Urban Areas. Acquisition, identities, space, education. Amsterdam, 2013.

Skvairs E. R., Ferdinand S. N. Ganza i Novgorod: Yazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov. Moskva, 2002. (In Russ.)

Trudgill P. Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity. Oxford, 2011.

The World's cities in 2016. Data booklet. United Nations, 2016. [http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/urbanization/the_worlds_cities_in_2016_data_booklet.pdf].

Кибрик Андрей Александрович

Институт языкознания РАН

МГУ им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

Kibrik Andrej Aleksandrovich

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

aakibrik@gmail.com